

Никогда не сдавайтесь! Никогда не уступайте!
Никогда-никогда-никогда — ни в чем: ни в великом,
ни в ничтожном, ни в большом, ни в малом, — если только честь
и здравый смысл не велят вам поступить иначе.

Уинстон Черчилль, 29 октября 1941 г.
Посвящается мальчикам из Хэрроу Скул

NEVER GIVE IN!

The Best of Winston Churchill's Speeches

Selected and edited by his grandson
WINSTON S. CHURCHILL

PIMLICO

НИКОГДА НЕ СДАВАТЬСЯ!

Лучшие речи Черчилля

Речи отобраны и отредактированы его внуком,
УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ

Перевод с английского

Москва

2014

УДК 82-54(410)
ББК 80.742:66.1(4Вел)6-17
Ч-50

Переводчик Сергей Чернин
Редакторы [Елена Третьякова], Наталья Нарциссова

Черчилль У.

Ч-50 Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля / Уинстон Черчилль;
Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 644 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-91671-170-7

Уинстон Черчилль известен не только как выдающийся политик, но и как один из самых ярких ораторов XX века. Его вдохновляющие речи вошли в историю, многие фразы стали крылатыми, а такие словосочетания, как «железный занавес», приобрели статус понятий общественно-политической лексики. В настоящем издании внук Уинстона Черчилля сумел собрать самые важные тексты из его выступлений, отказываясь от многого ради лучшего. В результате читатель имеет возможность познакомиться с богатейшим риторическим наследием знаменитого политика за более чем 60-летний период его активной политической деятельности.

УДК 82-54(410)
ББК 80.742:66.1(4Вел)6-17

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

- © Речи. The Estate of Winston Churchill
- © Подбор речей, предисловие, комментарии.
Winston S. Churchill, 2003
Настоящее издание опубликовано с согласия
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency
- © Издание на русском языке, перевод,
формирование. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

ISBN 978-5-91671-170-7 (рус.)
ISBN 978-0786888702 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	11
Предисловие редактора	13
1. Молодой политик, 1899–1915 годы	25
Первая политическая речь: «Пересохшая сточная канава радикализма», 26 июля 1897 года	27
«Побег!», 23 декабря 1899 года	30
«Годовщина со дня моего побега», 13 декабря 1900 года	31
Первая речь в парламенте: «В знак уважения к светлой памяти одного человека», 18 февраля 1901 года	32
«Вновь поднимая “истрепанный флаг”», 13 мая 1901 года	35
«Эпоха больших событий и маленьких людей», 21 ноября 1901 года	38
«Наш военно-морской флот должен быть сильным ради мира во всем мире», 17 января 1903 года	39
«Марионетка плутократии», 4 июня 1904 года	42
«За свободу торговли», 16 июня 1904 года	46
«Еда миллионам достается втридорога, а рабочая сила миллионерам — за бесценок», 13 мая 1905 года	48
«Британское гостеприимство», 9 октября 1905 года	49
«Больше никаких орденов для герцогов», 14 декабря 1905 года	50
«Дар Англии», 31 июля 1906 года	52
«Дело миллионов обездоленных», 11 октября 1906 года	54
Джордж Бернард Шоу: «Вулкан», 22 октября 1906 года	57
«Моя поездка по Африке», 18 января 1908 года	58
Социализм: «Было ваше — стало наше!», 22 января 1908 года	59
«Слово — освободитель человека и наций», 17 февраля 1908 года	60
«Что есть общество?», 4 мая 1908 года	62
«Я и есть министерство торговли», 4 февраля 1909 года	64
Бюджет: «Мы не можем себе позволить ни жить, ни умереть», 22 мая 1909 года	65
«Грубое нарушение конституционных обычаев», 4 сентября 1909 года	65
«Древнейшая и достойнейшая из монархий», 4 декабря 1909 года	68

«Всем, что у нее есть, аристократия обязана цивилизации», 17 декабря 1909 года	69
«Если солдаты начнут стрелять по мирному населению, это будет катастрофа», 7 февраля 1911 года	72
Страхование по безработице, 22 мая 1911 года	76
Общенациональная забастовка железнодорожников, 22 августа 1911 года	78
«Поддержание военного превосходства на море имеет для нас первоочередное значение», 9 ноября 1911 года	81
«Может, стоит дать Ирландии шанс?», 8 февраля 1912 года	84
«Настают тяжелые времена», 18 марта 1912 года	87
«Авиация!», 10 ноября 1913 года	93
«Наши авиаторы непобедимы, им нет равных!», 4 марта 1914 года	95
«Мир вооружается, как никогда прежде», 17 марта 1914 года	96
«Эта война будет затяжной и изматывающей», 11 сентября 1914 года	99
Дарданеллы, 5 июня 1915 года	102
«Захватить Константинополь... пока есть время», 15 ноября 1915 года	105
2. Забвение и искупление, 1916–1929 годы	107
«Самые тяжкие испытания, когда-либо выпадавшие на людскую долю», 23 мая 1916 года	109
«Мы вступили в схватку с самым опасным врагом», 31 мая 1916 года	111
«Опасности, муки и страдания, которых мы не заслужили», 10 декабря 1917 года	116
«Мы победили!», 16 декабря 1918 года	118
«Большевистские злодеяния», 11 апреля 1919 года	119
«Прощай, “пиво старой доброй Англии”!», 18 июля 1919 года	121
«У евреев должна быть родная земля», 31 марта 1921 года	122
Ленин, 8 июня 1921 года	124
«Культура и традиции арабской цивилизации», 14 июня 1921 года	125
«Унылые шпили Фермана и Тирона», 16 февраля 1922 года	129
И снова консерватор, 16 сентября 1925 года	130
«Безумства социализма», 11 декабря 1925 года	133
«Сущий прохвост!», 22 апреля 1926 года	135
«Зардевшаяся от смущения “либеральная невеста”», 22 октября 1928 года	136
«Сказка о разоружении», 24 октября 1928 года	137
3. Годы пустынного одиночества, 1930–1939	139
«Мятежный законник из Миддл-Темпл», 23 февраля 1931 года	141
«Покидая Индию», 18 марта 1931 года	141

Сухой закон, ноябрь–декабрь 1931 года	143
«Банды коренастых тевтонских молодчиков», 23 ноября 1932 года	144
«Непогрешимый анонимный оппортунизм», 22 февраля 1933 года	147
«Англия», 24 апреля 1933 года	148
«Войны начинаются внезапно», 7 февраля 1934 года	152
«Германия вооружается», 8 марта 1934 года	155
«Вражеские самолеты могут долететь до нас за несколько минут...», 16 ноября 1934 года	156
«Перед нами — путь, полный опасностей и невзгод», 31 мая 1935 года	159
«Вы ничего не уладили — вы лишь внесли разлад», 5 июня 1935 года	165
«Я — сторонник договора», 10 июля 1935 года	168
«Безопасность на море», 24 июля 1935 года	171
«Абиссиния завоевана», 8 октября 1935 года	171
«Нацизм... с его всеразрушающей ненавистью и постоянным стремлением к бряцанию оружием», 24 октября 1935 года	174
«Германия... никого и ничего не боится», март 1936 года	178
Евреи: «Их род, их раса объявлены нечистыми и проклятыми», 24 марта 1936 года	183
«День и ночь в Германии бьют тяжелые молоты...», 26 марта 1936 года	186
«Гитлер разорвал все соглашения и занял Рейнскую область», 6 апреля 1936 года	190
«Давайте возблагодарим Господа за французскую армию», 24 сентября 1936 года	192
Лоуренс Аравийский, 3 октября 1936 года	197
«Годы, пожранные саранчой», 12 ноября 1936 года	202
«Близится самый опасный момент в истории Европы...», 25 ноября 1936 года	218
«Отречение короля Эдуарда VIII», 10 декабря 1936 года	220
Редьярд Киплинг, 17 ноября 1937 года	223
Аннексия Австрии, 14 марта 1938 года	225
«Я наблюдал за тем, как наш славный остров... катится в тартарары», 24 марта 1938 года	230
«Сторожевые посты на западных рубежах», 5 мая 1938 года	236
«Спасите человечество от мук», 26 сентября 1938 года	239
«Полное и безоговорочное поражение», 5 октября 1938 года	240
«Тьма сгущается», 16 октября 1938 года	256
«Горькие плоды Мюнхена», 14 марта 1939 года	261
«Единение и чувство долга», 20 апреля 1939 года	262
«Аннулирование Декларации Бальфура», 23 мая 1939 года	264
«Над Европой воцарилась тишина», 8 августа 1939 года	268

4. Годы славы, 1939–1945	273
Война, 3 сентября 1939 года	275
Россия: «Загадка, овеянная тайнами во тьме непостижимости», 1 октября 1939 года	277
«Вот и ВМС!», 23 февраля 1940 года	280
«Кровь, тяжкий труд, слезы и пот», 13 мая 1940 года	283
«Опяштесь и будьте мужественны!», 19 мая 1940 года	286
«Эвакуациями войну не выиграть», 4 июня 1940 года	290
«Новости из Франции неутешительны», 17 июня 1940 года	302
«Это был их звездный час», 18 июня 1940 года	302
Уничтожение французского флота, 4 июля 1940 года	315
«Война неизвестных солдат», 14 июля 1940 года	322
Горстка героев, 20 августа 1940 года	325
50 американских эсминцев, 5 сентября 1940 года	340
«Бессмысленно жестокие и беспощадные бомбардировки Лондона...», 11 сентября 1940 года	341
Закрытое заседание: «Мы будем драться до конца», 17 сентября 1940 года	345
«Мы справимся!», 8 октября 1940 года	348
«Боже, храни Францию!», 21 октября 1940 года	350
«Дайте нам самое необходимое», 9 февраля 1941 года	354
«Битва за Атлантику», 18 марта 1941 года	358
Вторжение в Югославию, 9 апреля 1941 года	361
«Взгляни на запад — близок срок, когда там воссияет день!», 27 апреля 1941 года	363
Вотум доверия, 7 мая 1941 года	375
«"Бисмарк" потоплен!», 27 мая 1941 года	383
«Нам хватило сил, упорства и твердости», 12 июня 1941 года	386
«Старый лев», 16 июня 1941 года	390
Союз с Россией, 22 июня 1941 года	394
«Стойкость и выдержка лондонцев», 14 июля 1941 года	400
Атлантическая хартия, 24 августа 1941 года	403
«Мы все еще капитаны своих душ», 9 сентября 1941 года	413
«Никогда не сдавайтесь!», 29 октября 1941 года	414
Закон о ленд-лизе, 10 ноября 1941 года	417
Война с Японией, 8 декабря 1941 года	423
Обращение к совместному заседанию конгресса, 26 декабря 1941 года	426
«Ай да цыпленок! Ай да шея!», 30 декабря 1941 года	435
«Требую поставить на голосование вопрос о доверии», 27 января 1942 года	436
«Сингапур пал», 15 февраля 1942 года	443
Два года премьерства, 10 мая 1942 года	444

Вотум недоверия, 2 июля 1942 года	456
Заря победы, 10 ноября 1942 года	459
Час освобождения, 29 ноября 1942 года	462
Армия пустыни, 3 февраля 1943 года	464
Благодарность генералам Монтгомери и Александру, 11 февраля 1943 года	467
«Самое трудное — впереди», 19 мая 1943 года	469
«Демократия — не распутная девка, которая может достаться любому, кто выйдет на улицу с оружием в руках», 8 декабря 1944 года	477
«Мы требуем безоговорочной капитуляции», 18 января 1945 года	478
«Да здравствует Греция! Да здравствует греческая демократия!», 14 февраля 1945 года	480
Ялтинская конференция, 27 февраля 1945 года	481
Ллойд Джордж, 28 марта 1945 года	488
Президент Рузвельт, 17 апреля 1945 года	493
«Трудно найти слова, чтобы выразить весь ужас...», 19 апреля 1945 года	499
Победа в Европе, 8 мая 1945 года	500
«Это ваша победа!», 8 мая 1945 года	503
«Вперед, пока работа не будет закончена», 13 мая 1945 года	504
Назад к межпартийным батальям, 4 июня 1945 года	509
Генерал Эйзенхауэр, 12 июня 1945 года	513
«Дорогие “крысы пустыни”», 21 июля 1945 года	515
Отставка, 26 июля 1945 года	516

5. Годы заката, 1945–1963 519

Атомная бомба, 6 августа 1945 года	521
Капитуляция Японии: истинная слава, 15 августа 1945 года	523
«Власть народа, волей народа и для народа», 16 августа 1945 года	524
Эль-Аламейн: «Крутой поворот британской военной фортуны», 25 октября 1945 года	525
«Мы не дрогнули, мы не спасовали», 31 октября 1945 года	526
Ненужная война, 16 ноября 1945 года	527
«Железный занавес опустился», 5 марта 1946 года	528
«Трагедия Европы», 9 мая 1946 года	544
Палестина, 1 августа 1946 года	545
«Соединенные Штаты Европы», 19 сентября 1946 года	547
«Демократия на основе частной собственности», 5 октября 1946 года	553

Коммунистическая угроза, 24 октября 1946 года	555
Палестина: «море крови и позора», 31 января 1947 года	557
Единая Европа, 14 мая 1947 года	560
Права британцев, 4 октября 1947 года	570
«Подлые ростовщики!», 28 октября 1947 года	571
«Социализм — философия неудачников», 28 мая 1948 года	572
«Что будет, если они получат атомную бомбу?», 9 октября 1948 года	574
Североатлантический договор, 12 мая 1949 года	576
Берлинский «воздушный мост», 21 июля 1949 года	578
«Prenez-garde! Je vais parler en français», 12 августа 1949 года	579
«Берегитесь! Я буду говорить по-французски», 12 августа 1949 года	579
«Восхитительное наследие английской литературы», 2 ноября 1949 года	580
Наши хозяева-социалисты, 9 февраля 1950 года	581
Эксперимент со свободой, 18 мая 1950 года	589
«Это трагическое бурное столетие», 4 июля 1950 года	590
«Помочь нашему родному острову вернуть былую славу», 21 июля 1951 года	593
«Вернуть себе финансовую, экономическую и духовную независимость», 23 октября 1951 года	597
«Отважный поборник свободы», 9 ноября 1951 года	600
«Мы не должны терять надежду», 17 января 1952 года	603
Король Георг VI, 7 февраля 1952 года	606
«Предательская западня», 11 июня 1952 года	610
«Дух Англии», 23 апреля 1953 года	613
Корона и парламент, 27 мая 1953 года	615
«Невиданная катастрофа» или «небывалый рост благосостояния», 3 ноября 1953 года	617
«Более спокойные и благополучные времена», 9 ноября 1954 года	621
«Нация... в чьей груди бьется сердце льва», 30 ноября 1954 года	622
«Не впадайте в отчаяние!», 1 марта 1955 года	625
Королева, 4 апреля 1955 года	636
«Смело вперед!», 21 июня 1955 года	637
Почетное гражданство США, 9 апреля 1963 года	638
Приложение	641

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь я хотел бы выразить самую искреннюю благодарность моей тете баронессе леди Соамс за то, что она поделилась со мной воспоминаниями о том, как ее отец готовил речи, которые вошли в эту книгу. Также я весьма признателен Аллену Паквуду, директору Центрального архива Черчилля при Черчилль-колледже в Кембридже, и сотрудникам архива Дэвиду Картеру, Рэйчел Ллойд и Джуд Браймер за активное содействие в поиске фотографий и оригиналов необходимых документов.

Я очень благодарен сэру Мартину Гилберту, официальному биографу Уинстона Черчилля, автору блестящей книги «Великая жизнь», работу над которой в свое время начал мой отец Рэндольф Черчилль, за то, что он никогда не отказывал мне в помощи и совете. Безусловно, заслуживает благодарности и Ричард М. Лэнгворт, кавалер ордена Британской империи, председатель Центра Уинстона Черчилля в США (см. приложение). Я готов поручиться, что никто на свете не знает о моем деде больше, чем этот человек.

Также не могу не упомянуть в этой связи имена Роберта Кроуфорда, кавалера ордена Британской империи, генерального директора Имперского военного музея, и Хилари Робертс, главу коллекционного отдела архива фотографий, которой я глубоко признателен за предоставленные уникальные снимки. Значительную помощь в подготовке материалов этой книги мне оказали Эстер Барри, сотрудник библиотеки фотографий Би-би-си, и Джули Снеллинг, представитель центрального рукописного архива Би-би-си.

Кроме того, я многим обязан своему ныне покойному другу бывшему парламентарии Роберту Родсу Джеймсу, который при содействии международного коллектива исследователей справился с неизмеримо сложной задачей, подготовив к публикации полное собрание речей Уинстона Черчилля в восьми томах (Winston S. Churchill: The Complete Speeches 1897–1963). Эта книга впервые вышла в 1974 году в издательстве «Челси Хаус Паблишерс» (Лондон) при со-

действии компании «Р. Р. Баукер» (Нью-Йорк). Думаю, было не так-то легко отыскать и собрать воедино невероятное множество речей моего деда. Издание, которым мы обязаны моему другу, воистину бесценно — с этим наверняка согласятся многие ученые и исследователи, сотрудники библиотек и университетов. Составленный мной сборник избранных речей содержит лишь двадцатую часть от общего корпуса выступлений Уинстона Черчилля. Всем, кого заинтересует полный текст приводимых мной речей, я рекомендую обратиться к вышеупомянутому источнику.

Наконец, я считаю своим долгом поблагодарить Джеймса Роджерса за поддержку, самоотверженную помощь в проверке материалов и полезные советы при подготовке этой книги к публикации. Я глубоко признателен моему секретарю Пенелопе Лэй за проявленный энтузиазм при наборе текста этого издания и Йоргу Хенгсену, представителю компании «Рэндом Хаус Юнайтед Кингдом», за оказанное содействие.

Редактор Уинстон С. Черчилль

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Назначение на должность премьер-министра Великобритании 10 мая 1940 года, в критический для страны момент, стало судьбоносным для Уинстона Черчилля. В этот день Гитлер начал блицкриг против Франции и стран Бенилюкса, приказав войскам уничтожать все на своем пути. Именно тогда Черчилль, которому уже исполнилось 65 лет и, по его собственным словам, «давным-давно пора было на пенсию», сумел полностью реализовать свой выдающийся дар оратора. Многие годы с британской нацией говорили лишь о необходимости поддержания мира и о непротивлении. И вдруг прозвучал совсем иной призыв. В своем радиообращении к народу 19 мая 1940 года Черчилль заявил: «В этот суровый час для нашей страны, для нашей империи, для наших союзников, и наконец, для всех, кому дорого дело мира, я впервые обращаюсь к вам как премьер-министр».

Живописав разрушительные последствия наступления нацистских войск на континенте, он продолжил: «В прошлом мы часто не соглашались и спорили друг с другом, но сейчас перед нами общая цель: довести эту войну до победного конца и сделать все возможное и невозможное, чтобы избежать рабства и позора, какой бы высокой ни была цена победы, какие бы страдания нам ни пришлось перенести».

Его слова произвели ошеломляющий эффект. Когда многим сложившаяся ситуация уже казалась безнадежной — ведь французская и бельгийская армии, которые четыре долгих года стойко держались в кровавых битвах Первой мировой войны, на этот раз под яростным натиском немцев уже через четыре недели потеряли всякую боеспособность, а остатки маленькой и плохо вооруженной британской армии готовились к отступлению в Дюнкерке, — когда многие, включая даже союзников Британии, поверили в неизбежность ее капитуляции, Черчилль «мобилизовал английский язык и отправил его на передовую», как метко выразился известный американский военный корреспондент Эдвард Р. Мюрроу.

В молодости Черчилль в чине младшего офицера участвовал в военных конфликтах на северо-западных рубежах Индии, в Судане и Южной Африке, потом во время Первой мировой войны мерз в окопах Фландрии, и этот жизненный опыт научил его понимать национальный характер британцев и их чаяния, помог вдохновить соотечественников на небывалые подвиги, вселить в них такое мужество и такую стойкость, о которых до того британцы даже не могли помыслить, не говоря уже о том, чтобы их проявить. В своем самом первом выступлении в палате общин на новой должности, три дня спустя после назначения премьер-министром (13 мая 1940 года), Черчилль произнес ставшие знаменитыми слова: «Все, что я могу вам предложить, — это кровь, тяжкий труд, слезы и пот».

При этом, как мне довелось убедиться, в течение пяти долгих военных лет слова Черчилля вселяли веру не только в британцев — они служили символом надежды для всех поверженных наций оккупированной Европы. Несколько лет назад я удостоился чести выступить с речью на панихиде памяти жертв восстания в Варшавском гетто, которая проводилась в Лондонском университете по случаю пятидесятилетней годовщины со дня этого события. После выступления ко мне подошла очень милая женщина и сказала: «Господин Черчилль, во время восстания я находилась в гетто, мне тогда было двенадцать лет. Я видела, как штурмовые отряды нацистов идут в атаку. Они хотели забрать нас в концентрационные лагеря. Всякий раз, когда по Би-би-си транслировали выступления вашего дедушки, мы собирались у радиоприемников. Я не владела английским, но знала, что этот сильный голос неизвестного мне человека, произносящий непонятные слова, дает мне и моей семье надежду на спасение. Нас увезли в Берген-Бельзен. Из всей семьи выжила только я. Меня освободили британские солдаты. Одного из них вы сейчас видите рядом со мной — он стал моим мужем». Этот случай взволновал меня до глубины души, заставив испытать чувство гордости, смешанное со смущением.

Благодаря невероятной напористости и провокационному чувству юмора Черчиллю удалось завладеть вниманием британцев и убедить их в том, что, несмотря на капитуляцию остальных европейских держав, Британия может и должна сражаться с нацистскими захватчиками в одиночку. Наверное, были в истории и более выдающиеся ораторы, настоящие гении красноречия, всегда готовые

подняться на трибуну и, не читая по бумажке, без всяких микрофонов, заставить толпу слушать и следовать их призывам — будь перед ними хоть 20 000, хоть всего 10 слушателей. Среди таких мастеров публичной речи в первую очередь вспоминаются Уильям Гладстон и Дэвид Ллойд Джордж, хотя слава Уинстона Черчилля не меркнет даже на их фоне.

В чем он действительно добился непревзойденного мастерства, так это в умении подчинять своей воле палату общин и еще в большей степени в способности воздействовать на британцев и граждан других стран, обращаясь к ним во время трансляций Би-би-си. Надо сказать, в этом ему очень своевременно помогли новые технологии. Столетиями, с момента изобретения в 1474 году Уильямом Кекстоном печатного пресса, единственным средством массовой информации оставались газеты. К началу XX века большинство из них оказались в руках горстки медиамагнатов, которые все вместе и поодиночке обладали колоссальной политической властью. Однако в 1924 году, всего за 15 лет до начала Второй мировой войны, состоялось первое в истории радиовыступление премьер-министра — этот пост тогда занимал Стэнли Болдуин. На тот момент в Британии было всего 125 000 радиоприемников. Впрочем, к 1940 году эта цифра вплотную приблизилась к 10 миллионам, то есть радиоприемник имелся почти в каждом доме и уж наверняка в каждом пабе страны.

Именно благодаря этому технологическому прорыву Черчилль получил столь бесценную возможность обращаться к народу напрямую. Секрет популярности и эффективности его речей состоял в той своеобразной манере, которую он избрал: Черчилль не выступал перед безликими народными массами, а словно говорил с конкретными людьми — в качестве слушателей он, как правило, представлял себе обычную семью, собравшуюся дома у камина. Он обращался к простым британцам, к обывателям, ко всем и каждому. Именно это больше всего и было нужно ему самому и всему народу в те пять лет, пока продолжалась самая кровопролитная война в истории человечества. Хотя тогда еще не было оборудования, необходимого для прямой трансляции парламентских выступлений, наиболее значимые речи Черчилль произносил повторно в микрофон, и их записи Британская радиовещательная корпорация транслировала не только по всей Великобритании, но и в оккупированной Европе, и на тер-

ритории Соединенных Штатов, и в самых отдаленных уголках Британского Содружества и Британской империи.

Приступая к работе над этой книгой, я планировал собрать в одном томе все лучшие и самые важные, по моему мнению, речи деда, охватывающие более чем 60-летний период его активной политической деятельности — начиная с первой политической речи, произнесенной в 1897 году, и заканчивая выступлением по случаю присвоения ему звания почетного гражданина Соединенных Штатов президентом Джоном Ф. Кеннеди в 1963 году. Поначалу я даже не представлял себе подлинного масштаба той работы, за которую взялся. Я знал, что мой дед был плодовитым писателем, оставившим после себя около 30 томов исторических и биографических трудов. Также мне было известно о значительном количестве созданных им картин: к концу жизни в его доме в Чартуэлле, что в Кенте, насчитывалось около 500 завершенных полотен, причем некоторые из них являлись вполне достойными образцами живописного искусства.

Однако я не имел представления об истинном количестве речей, которые мой дед с такой скрупулезностью составлял, репетировал и произносил. Большая их часть была собрана моим коллегой парламентарием Робертом Родсом Джеймсом в его восьмитомном труде «Уинстон Черчилль: Полное собрание речей, 1897–1963 гг.» (Winston S. Churchill: The Complete Speeches 1897–1963), опубликованном в 1974 году и насчитывающем 8000 страниц мелким шрифтом (12 500 страниц обычным шрифтом), что составляет около 5 миллионов слов.

Когда я выступаю с лекциями в Америке, мне часто задают один и тот же вопрос: «Кто писал речи вашему деду?» Ответ прост: «Эти речи писал выдающийся человек. Его звали Уинстон Спенсер Черчилль». В эпоху, когда почти все без исключения крупные политики имеют в своем распоряжении целую толпу спичрайтеров, такой ответ неизменно вызывает изумление. Моя тетя Мэри Соамс, последняя оставшаяся в живых из детей моего деда, недавно поведала мне следующее:

«Отец никогда в жизни не пользовался услугами спичрайтеров. В определенные моменты в карьере, во время работы в государственных органах, он получал отчеты и статистические

сводки от чиновников, особенно когда речь шла о каких-либо технических или правовых вопросах.

Помнится, в партии консерваторов состоял тогда некий Джордж Крист (по-английски его фамилия писалась так же, как имя Христа), и мой отец, бывало, вызывал его со словами: “Пошлите-ка за этим сыном Божьим!” Крист был сотрудником центрального аппарата Консервативной партии и часто давал ценные советы отцу, возглавлявшему тори в те годы, рекомендуя затронуть те или иные вопросы в выступлениях на ежегодных съездах партии.

Но все свои основные речи, включая, разумеется, выступления в палате общин, отец составлял сам. Джейн Портал (леди Уильямс), которая в то время была одним из его личных секретарей, рассказывала, что на исходе второго премьерского срока 80-летнему Черчиллю понадобилось менее восьми часов, чтобы самостоятельно составить длинную обстоятельную речь по поводу изобретения водородной бомбы».

Ныне покойный сэра Джон Колвилл, один из личных секретарей деда в военные годы, незадолго до смерти вспоминал: «Если говорить о великих речах военного времени, произнесенных Черчиллем в палате общин или транслировавшихся по радио на всю страну, на подготовку каждой минуты такого выступления у вашего деда уходило около часа». Таким образом, получасовой речи предшествовали 30 часов диктовок, репетиций и доработок. Без сомнения, именно этим объясняется то грандиозное воздействие, которое эти выступления оказывали на умы миллионов людей в период величайшей войны в истории; именно поэтому они и по сей день несут столь мощный эмоциональный заряд.

Я поставил перед собой очень сложную задачу: уместить богатейшее риторическое наследие Черчилля, сложившееся за более чем 60 лет его активной политической деятельности, в одной книге, тем самым впервые познакомив читателей со многими из его речей. Для этого мне пришлось прибегнуть к беспощадному редактированию, ведь огромный свод речей Черчилля требовалось сократить до всего лишь 5% от его полного объема. Текст некоторых выступлений, в частности, тех, что впервые прозвучали во время войны, я со-

хранил полностью, тогда как другие публикуются с более или менее значительными купюрами. При этом многие речи пришлось и вовсе опустить. Занимаясь отбором материала, я руководствовался целью познакомить читателя с самыми лучшими речами Уинстона Черчилля, при этом поместив их в контекст его продолжительной карьеры, в которой падения были не менее головокружительными, чем взлеты.

Эта книга расскажет читателю обо всех этапах политической жизни Уинстона Черчилля, начиная с победы на парламентских выборах (деду тогда было всего 26 лет), за которой последовали его уход из Консервативной партии в 1904 году и вступление в Либеральную партию, затем — подъем на политический олимп и работа на быстро сменявших друг друга правительственных постах: заместителя министра по делам колоний (1906), министра торговли (1908) и министра внутренних дел (1910). На следующем этапе Черчилль предстает таким политическим смутьяном, предлагающим упразднить палату лордов; потом становится сторонником социальных реформ, закладывая фундамент государства всеобщего благоденствия. В качестве первого лорда адмиралтейства (1911–1915) он занимается подготовкой британского военно-морского флота к боевым действиям.

Далее мы становимся свидетелями его несправедливой отставки с поста первого лорда адмиралтейства, когда из Черчилля сделали козла отпущения, свалив на него вину за провал десантной операции в проливе Дарданеллы и на Галлипольском полуострове, которые тогда принадлежали Турции. Черчилль рассматривал эту операцию не только как способ заставить сдать Турцию, одного из союзников Германии, и оказать поддержку своему союзнику — России, но и как возможность атаковать Германию с тыла, что, по его мнению, могло ускорить окончание войны на один или даже два года. Возможно, это был самый блестящий стратегический план Первой мировой войны. Однако по причинам, в большинстве своем никак от него не зависевшим, операция оказалась неудачной, в результате чего многие решили, что политической карьере Черчилля пришел конец. Тяжело переживая потерю должности и невозможность реализовать свой несомненный талант военачальника, он отправился в окопы Фландрии защищать эту узкую полосу земли на границе Франции и Бельгии, где сложили свои головы четверть миллиона солдат Британии и стран Британского Содружества. Черчилль и сам стал про-

стым солдатом: если путь к высотам власти был ему теперь заказан, то по крайней мере таким образом он мог сохранить свою честь.

Вернувшись на государственную службу в должности министра военного снабжения (1917–1919) и военного министра в правительстве Ллойд Джорджа, Черчилль затем получил должность министра по делам колоний. На Каирской конференции 1922 года на него была возложена ответственность за создание Иорданского и Иракского королевств и назначение двух представителей династии Хашимитов — Абдаллы и Фейсала — в качестве правителей, которым предстояло занять троны в Аммане и Багдаде. Тогда же впервые были определены политические границы Палестины.

Потом Черчилль вернулся к консерваторам, вновь пересев на их сторону в палате общин, и работал на посту министра финансов в правительстве Стэнли Болдуина. Наконец, мы подходим к наиболее интересной части этой книги — началу 1930-х годов, когда Черчилль ушел с государственного поста и начал кампанию, направленную на привлечение внимания мировой общественности к той опасности, которую несло перевооружение Германии под руководством Адольфа Гитлера. Беспокойство Черчилля все больше нарастало по мере усложнения ситуации в Европе. Одним из главных источников тревоги для него было решение правительства Болдуина продолжить разоружение. Черчилля также беспокоил тот факт, что Америке, находящейся за 3000 миль от Британии, по ту сторону Атлантики, казалось, не было никакого дела до надвигающегося мирового кризиса.

В те годы Уинстон Черчилль оказался не у дел. Несмотря на все убедительные доводы, которые он излагал во время парламентских выступлений, несмотря на весьма внушительный объем материалов, которые он сумел собрать и представил в качестве доказательств масштабности перевооружения германской армии, никто не хотел прислушиваться к его предостережениям, а правительства Британии и Франции с ослиным упрямством продолжали проводить избранную ими политику умиротворения. Ко времени Мюнхенского кризиса, разразившегося в сентябре 1938 года, когда руководители Британии и Франции цинично пожертвовали свободой народов Чехословакии в постыдной попытке выторговать время для своих стран, последователей и сторонников Черчилля в парламенте можно было по пальцам перечесть.

Хотя 1940 год и несколько последующих лет работы в качестве премьер-министра в условиях военного времени, без сомнения, принесли Уинстону Черчиллю наибольшую славу, по моему личному мнению, настоящим звездным часом для Черчилля стал все-таки конец 1930-х годов. Ведь именно тогда ему пришлось продемонстрировать поистине незаурядную силу духа и решимость, чтобы, несмотря на критику со стороны собственной партии и обвинения в милитаризме, продолжать предпринимать героические, хотя и тщетные, усилия по предотвращению нависшей над Британией угрозы. При этом он был убежден, что решительные совместные действия бывших союзников — Британии, Франции и США — могут остановить Гитлера; причем, по его мнению, если бы эти действия были приняты до 1936 года, все обошлось бы без единого выстрела.

После Мюнхенских переговоров, когда премьер-министр Невилл Чемберлен, размахивая договором за его собственной подписью и подписью Гитлера, гордо заявил, что Британия и Германия больше никогда не будут воевать друг с другом, с глаз его соотечественников словно спала пелена: всем вдруг стало очевидно, что у Гитлера хватит наглости разорвать не только соглашения, положившие конец Первой мировой войне, но и все последующие договоренности.

Наконец, вектор общественного мнения начал смещаться в сторону, противоположную той, в которую его пытались направить идеологи умиротворения; все настойчивее стали звучать требования вернуть Уинстона Черчилля в правительство. Однако это произошло лишь 3 сентября 1939 года — в тот самый день, когда было объявлено о начале Второй мировой войны, когда танковые армии Гитлера вторглись в Польшу и оккупировали ее и когда Уинстон Черчилль был вновь назначен на пост первого лорда адмиралтейства, на котором ему пришлось заниматься подготовкой флота Великобритании к боевым действиям против Германии, во второй раз за четверть столетия. По его возвращении в адмиралтейство всему флоту был передан сигнал: «Уинстон вернулся». В своей книге военных мемуаров Черчилль вспоминал: «И вот я снова вошел в тот самый кабинет, который мне было так больно покидать почти четверть века назад... И снова нам предстояло отстаивать свою жизнь и честь, сражаясь против сильной, дисциплинированной и безжалостной германской нации. Уже в который раз! Ну что ж, быть посему».

Как недолговечна человеческая память! Нынешнее поколение уже наверняка не имеет представления о том, что именно Британия и Франция объявили войну нацистской Германии после ее вторжения в Польшу, нарушив тем самым связывавшие эти страны соглашения о союзнических отношениях.

За этим последовал период так называемой «странной войны», во время которого на Западном фронте боевые действия велись только на море. Наконец 10 мая 1940 года Гитлер счел, что у него уже достаточно сил для блицкрига против Франции, Бельгии и Голландии. В тот же день растущее общественное недовольство в Британии вынудило Чемберлена уйти в отставку, и Уинстон Черчилль получил предложение занять пост премьер-министра.

Ничуть не страшась предстоящей работы, Черчилль испытывал радостное возбуждение. Позже в своих мемуарах он так описал этот момент: «Ложась спать в три часа ночи, я чувствовал небывалое облегчение. Наконец-то у меня были полномочия, которые делали меня хозяином положения. Мне казалось, будто сама судьба вела меня и вся моя прежняя жизнь была лишь подготовкой к этому моменту, к этому суровому испытанию».

В распоряжении Черчилля не было других боеспособных соединений, кроме мощного морского флота и недавно созданных, но еще не обстрелянных военно-воздушных сил. В сложившейся ситуации премьер-министру пришлось использовать всю силу своего ораторского дара, чтобы с присущей ему простотой, торжественностью и риторическим мастерством открыть людям глаза на ту неприглядную реальность, о которой он говорил еще в мирные 1930-е годы. Все те, кто тогда отказывался ему верить, теперь, после вступления страны в войну, стали его внимательными слушателями и горячими сторонниками. Черчилль был потрясен тем, насколько быстро сначала правительство Бельгии, а затем и правительство Франции капитулировали перед Гитлером. Для себя он твердо решил, что Великобритания так легко не сдастся.

Моя покойная мама, посол Памела Харриман, рассказывала мне о страшных днях конца мая — начала июня 1940 года, когда британская армия отступила к Дюнкерку и спешно переправилась через Ла-Манш, когда Франция оказалась на грани капитуляции и Гитлер был готов начать операцию «Морской лев» (под этим кодовым на-

званием значилась кампания по вторжению в Британию). Маме тогда было 20 лет, и она была уже шесть месяцев беременна мной. Вместе с мужем они жили у его родителей в доме номер 10 на Даунинг-стрит. Обычно мама и дедушка с бабушкой ужинали рано, не дожидаясь возвращения отца. Около десяти вечера обычно начинали передавать предупреждения о воздушных налетах, и маму отправляли в погреб.

Она рассказывала, как однажды вечером ее свекор в задумчивости сидел за столом, погруженный в собственные мысли. Все молчали. Внезапно он повернулся к моей матери, пристально посмотрел на нее и яростно прорычал:

— Если гунны придут, я рассчитываю на то, что каждый из вас заберет с собой на тот свет хотя бы одного из них!

— Но отец, — испуганно воскликнула моя мама, — у меня ведь нет никакого оружия, а если бы даже оно было, стрелять я все равно не умею!

— Дорогуша, — сурово возразил мой дед, повысив голос и потрясая кулаком над головой, — для столь благого дела вполне сойдется и кухонный нож!

Хотя в обращениях к нации дед никогда не давал столь прямых указаний, его боевой настрой передавался британцам и вдохновлял их.

Теперь, когда ему наконец удалось пробудить в народе воинственный дух, к речам премьер-министра стали прислушиваться, его призывам стали следовать. Хотя тогда со стороны это могло показаться безумием, британцы были готовы вопреки всему верить Черчиллю, утверждавшему, что, несмотря на любые трудности, они смогут выжить на своем острове при поддержке стран Содружества и заокеанских частей империи, а также благодаря мощной материальной помощи со стороны США в рамках соглашения о ленд-лизе.

Однако Черчилль все-таки был реалистом и понимал, что у Британии в одиночку не хватит сил для того, чтобы освободить нацию оккупированной Европы и победить фашистскую Германию. А потому он выбрал довольно простую стратегию: он решил тянуть время и держаться до тех пор, пока не удастся привлечь к участию в войне «великую заокеанскую республику», как он с любовью называл Америку, родину своей матери. Во многих выступлениях того времени Черчилль добивался от Соединенных Штатов не только материальной поддержки, но и военной помощи.

18 июня 1940 года для Черчилля настал «звездный час» — обращаясь к палате общин, он произнес ставшие знаменитыми слова: «Вот и закончилось страшное противостояние, которое генерал Вейган назвал “битвой за Францию”. Я думаю, что скоро начнется “битва за Британию”. От исхода этой битвы будет зависеть, уцелеет ли христианская цивилизация. От исхода этой битвы будет зависеть, выживут ли британцы, удастся ли нам сохранить наши общественные институты и нашу империю. Очень скоро враг обрушится на нас со всей яростью и мощью. Гитлер знает, что выиграть войну он может лишь одним способом — сломив наше сопротивление и захватив этот остров. Если мы сдержим его напор, Европа сможет обрести свободу, а у человечества появится надежда на светлое будущее. Но если мы проиграем, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, и вообще все, что было нам мило и дорого, погрузится во тьму нового средневековья, только на этот раз оно будет куда более мрачным благодаря извращенной нацистской науке и, возможно, гораздо более продолжительным. Так давайте же засучим рукава и примемся за работу для того, чтобы, даже если Британская империя и Содружество просуществуют еще тысячу лет, люди все равно продолжали помнить нас и говорить об этом времени: “То был их звездный час!”».

Трудно описать то колоссальное чувство облегчения, которое Черчилль испытал полтора года спустя, когда узнал об атаке японцев на американский флот в заливе Перл-Харбор — ведь теперь он мог быть уверен, что Америке придется ввязаться в войну «по самые уши» и сражаться «до последней капли крови». С этого момента Черчилль перестал сомневаться в победном исходе войны для союзников. При этом, когда до победы оставалось еще три года, он уже начинал задумываться о будущем послевоенной Европы, опасаясь присутствия Советской армии в самом ее сердце.

Несмотря на то, что победным летом 1945 года британские избиратели сделали выбор не в пользу Черчилля, 5 марта 1946 года, выступая в Фултоне, штат Миссури, он начал новую кампанию с целью привлечь внимание американцев и всего мира к той смертельной угрозе, которую стала представлять для европейских наций армия Советского Союза, занявшая Центральную и Восточную Европу под предлогом освобождения ее от немцев, тогда как на самом деле ее целью была оккупация этих территорий. Кроме того, Черчилль пытался инициировать процесс создания единой Европы на пепелище

Второй мировой войны. В частности, в своем выступлении в Цюрихе 19 сентября 1946 года он сделал довольно смелое заявление:

«То, что я сейчас скажу, наверняка удивит вас. Первым шагом к воссозданию европейской семьи наций должно стать сотрудничество между Францией и Германией. Только так Франция сможет вернуть себе моральное лидерство в Европе. Возрождение Европы невозможно без духовно сильных Франции и Германии. При правильном подходе к делу будущие Соединенные Штаты Европы будут иметь такое устройство, при котором благосостояние каждой отдельно взятой страны утратит первостепенное значение».

Не менее удивительно то, что после шести лет пребывания в оппозиции Черчилль добился материального благополучия упорным писательским трудом, а кроме того сумел вернуть утраченное лидерство в политике и в возрасте 76 лет стал премьер-министром во второй раз. Все четыре года премьерства он добивался ослабления напряженности в отношениях между наследниками Сталина и западными державами, пытаясь избежать катастрофы в условиях холодной войны.

Завершает книгу речь Уинстона Черчилля, в которой он с гордостью принимает звание почетного гражданина США, присвоенное ему президентом Джоном Ф. Кеннеди и конгрессом Соединенных Штатов. Мой дед, которому тогда было уже 88 лет, не мог сам приехать в Вашингтон, так как был слишком слаб, и потому попросил своего единственного сына Рэндольфа произнести вместо него речь, которая стала последней в его жизни. 9 апреля 1963 года я был вместе с отцом на той памятной торжественной церемонии в Розовом саду возле Белого дома, когда президент Кеннеди провозгласил Уинстона Черчилля почетным гражданином Соединенных Штатов. Речь деда завершилась следующими словами: «В наше беспокойное и трагическое время я с большим удовлетворением наблюдаю за стремительным прогрессом в отношениях наших дружественных народов. Тот дух товарищества и братства, который мы пронесли через всю войну, не имеет аналогов в истории. Мы встали плечом к плечу и вместе отстаивали свободу — мы спасли мир».

*Уинстон С. Черчилль,
30 ноября 2002 года*

1. Молодой политик, 1899–1915 годы

В 1895 году в возрасте 46 лет умер лорд Рэндольф Черчилль. Получив известие о смерти отца, Уинстон твердо решил при первой же возможности уйти в отставку с военной службы и посвятить себя политике, дабы поддержать семейную традицию. Отец всегда был для Уинстона кумиром, несмотря на то, что они часто не ладили, потому что сэр Рэндольф вообще не слишком жаловал собственного сына.

После того, как во время Англо-бурской войны в Южной Африке Черчилль-младший сначала попал в плен к бурам (это случилось в ноябре 1899 года), а затем совершил дерзкий побег, его имя долгое время не сходило с первых страниц газет. Это дало молодому человеку возможность при почти полном отсутствии денег начать политическую карьеру: в октябре 1900 года жители города Олдем в графстве Ланкашир избрали 25-летнего Черчилля в парламент, членом которого он оставался с одним-единственным незначительным перерывом, при шести монархах, вплоть до октября 1964 года.

В скором времени Черчилль понял, что расходится во взглядах со многими коллегами по Консервативной партии, особенно в отношении протекционизма, ярым противником которого он всегда был. В мае 1904 года он отмежевался от консерваторов, присоединившись к находившимся в оппозиции либералам. Его переход в другую партию оказался очень своевременным: не прошло и двух лет, как консерваторы потерпели сокрушительное поражение на выборах. В новом либеральном правительстве во главе с Гербертом Асквитом Черчиллю предложили пост заместителя министра по делам колоний. Это назначение положило начало его стремительному взлету к вершинам британской политики: став министром торговли в 1908 году, уже в 1910 году он возглавил министерство внутренних дел, а еще через год получил пост первого лорда адмиралтейства. На этой должности ему пришлось заниматься подготовкой британского флота к войне с Германией.

ПЕРВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ:
«ПЕРЕСОХШАЯ СТОЧНАЯ КАНАВА
РАДИКАЛИЗМА»

26 июля 1897 года

Клавертон-Даун, Бат

Первое публичное выступление молодого Уинстона, 25-летнего офицера одного из британских полков, дислоцированных в Индии, состоялось по прибытии на родину в отпуск. Бравого вояку пригласили на благотворительный вечер, который проводила Лига подснежника (организация, созданная в память о Бенджамине Дизраэли) в особняке, где сейчас находится Американский музей. Уже в самой первой, тщательно составленной, отрепетированной и выученной наизусть речи проявилось столь свойственное Черчиллю обостренное чувство социальной справедливости: еще на заре своей политической карьеры он знал, насколько тяжелы условия жизни и труда большинства британцев, и не боялся поднимать столь болезненные для общества темы. В книге мемуаров «Мои ранние годы» Черчилль так описывает обстоятельства своего первого выступления:

«Мы отправились под навес, где стояли организаторы вечера, а потом поднялись на импровизированный помост для ораторов: на самом деле это были просто доски, положенные поверх небольших бочонков. Ни стола, ни стульев там, разумеется, не было. Увеселительные мероприятия в саду на время прекратились, приглашенные постепенно стали, как мне показалось, с неохотой сходитьсь под навес. Когда их набралось около сотни, председатель лиги произнес вступительную речь, в заключение которой он представил меня слушателям, вкратце рассказав им обо мне, а потом дал мне слово».

Да, порой парламент нелегко расшевелить, но заседают там отнюдь не бездельники! (Одобрительные возгласы.) Нынче парламен-

тариям предстоит принять решение, имеющее чрезвычайно большое значение для рабочего люда нашей страны. *(Аплодисменты.)* Я тешу себя надеждой, что желание неопытного юнца (каким наверняка кажусь вам я) высказаться на столь серьезную тему не покажется вам верхом самонадеянности и вы проявите должную снисходительность к упрямому энтузиазму молодости. *(Одобрительные возгласы и смех.)* Это решение, если оно будет принято, гарантирует рабочим, занятым в опасных отраслях промышленности, защиту от нищеты и голода в случае травм на производстве. *(Одобрительные возгласы.)* Радикалы назвали предложенный ими законопроект «Биллем об ответственности работодателей», но им не удалось добиться его принятия. Тори, как известно, с такими делами обычно справляются гораздо лучше. *(Одобрительные возгласы.)* Мы дали этому законопроекту куда более точное название: «Законопроект о компенсационных выплатах рабочим». *(Смех и одобрительные возгласы.)* Этот законопроект предусматривает кардинальные преобразования в сфере трудовых отношений. Он поможет людям справиться с тяжелейшими бедами, которые нам с вами даже представить трудно, — всю правду о них знают лишь те, кто пережил их сам. *(Аплодисменты.)* По статистике, ежегодно в нашей стране 6000 человек погибают на производстве, а еще 250 000 — получают травмы различной степени тяжести. Масштабы трагедии поистине ужасают: ни одно даже самое кровопролитное сражение за всю историю человечества не становилось причиной такого колоссального количества жертв. *(Одобрительные возгласы.)* При этом я вовсе не берусь утверждать, будто все работодатели — злодеи и никто из них никогда не проявлял участия и доброты по отношению к своим работникам, однако предлагаемая нами мера призвана придать зыбучим пескам добровольной благотворительности гранитную твердость закона. *(Одобрительные восклицания.)* Пока компенсации предусматриваются лишь для тех, кто занят в опасном производстве. Радикалы, которые всегда недовольны предложениями либералов, но приобретают склонность к либерализму, как только речь заходит о чужих деньгах *(смех)*, задаются вопросом, почему бы не распространить действие этого закона вообще на всех. Подобные скоропалительные популистские решения вполне в духе радикалов. Их тактика напоминает мне историю о человеке, который, узнав о пользе проветривания, выбил все окна в соб-

ственном доме и вскоре умер от ревматизма. *(Смех и аплодисменты.)* Консерваторы обычно действуют несколько по-другому. Политика консерваторов намного осторожнее — прежде чем соваться в воду, они считают нужным узнать, где брод, а если такового нет, то вовсе предпочитают остаться на берегу. *(Смех.)* Тише едешь — дальше будешь, как говорится. *(Одобрительные возгласы.)* Однако этот законопроект мог бы стать подлинным символом прогресса в законотворческой деятельности тори, доказав тысячам наших соотечественников, занятых в различных отраслях промышленности, что консерваторы хотят им помочь и имеют для этого все необходимые полномочия *(одобрительные возгласы)* и что от поднимающейся волны консервативной демократии можно ожидать гораздо большего, чем от пересохшей сточной канавы радикализма... *(Смех и одобрительные восклицания.)*

В этот юбилейный для Британской империи год нет недостатка в тех, кто утверждает, что наше отечество достигло пика славы и могущества и вскоре начнет приходить в упадок, подобно Вавилону, Карфагену или Риму. Не верьте лжепророкам! Отриньте их мрачные предсказания! Докажите на деле, что наша нация полна сил и жизненной энергии, что англичане твердо намерены сохранить империю, унаследованную от отцов *(одобрительные восклицания)*, что британский флаг все так же гордо реет над нашими кораблями, что к нам по-прежнему прислушиваются европейские соседи, а наш монарх искренне любим всеми своими подданными. Только тогда мы сможем продолжать следовать тем курсом, который предначертан нам свыше, и только тогда мы сможем выполнить свою миссию, став гарантом мира, законности и порядка и подарив все эти блага цивилизации множеству разных народов, населяющих самые удаленные уголки Земли. *(Громкие одобрительные восклицания.)*

«ПОБЕГ!»

23 декабря 1899 года

*Здание муниципалитета города Дурбан,
провинция Наталь, Южная Африка*

Отправившись в Южную Африку в качестве корреспондента газеты «Лондон Морнинг Пост», Черчилль должен был освещать для этого издания события Англо-бурской войны. Однако 15 ноября 1899 года во время стычки англичан с повстанцами, которая вошла в историю как «инцидент с бронепоездом», Черчилль оказался в плену у буров (выходцев из Голландии, поселившихся в Южной Африке). Свой 25-й день рождения он провел за колючей проволокой в лагере для военнопленных в Претории, замышляя побег. В ночь с 12 на 13 декабря он бежал из плена и 10 дней спасался от преследователей (ему пришлось провести несколько суток в кишачей крысами угольной шахте, где его укрыл англичанин, руководивший отрядом горнорабочих). После долгих странствий Черчиллю удалось добраться до Португальской Восточной Африки — там он наконец обрел свободу. Более подробное описание обстоятельств пленения и побега читатель может найти в мемуарах Черчилля «Мои ранние годы».

Затем наш герой отправился на корабле в Дурбан, где его ждал радужный прием британских поселенцев. В книге «Мои ранние годы» Черчилль так описывает обстоятельства своего прибытия в этот город:

«В Дурбане меня встретили как национального кумира. Меня чествовали так, словно я одержал победу в крупном сражении. Гавань пестрела флагами. На набережных играли оркестры... Толпа подняла меня на руки и понесла к зданию муниципалитета. Люди отказывались разойтись, пока я не произнесу речь. В конце концов мне пришлось перед ними выступить».

Бегство из плена на время сделало Черчилля национальным героем, обеспечив ему известность, которая заложила прочную основу для столь желанной карьеры в политике.